

© 2023. В. И. Мельник
Перервинская духовная семинария,
г. Москва, Россия

Значение православия в жизни и творчестве В. И. Даля

Аннотация: В статье В. И. Даль рассматривается как религиозно мыслящий писатель. Впервые анализируются биографические факторы, способствовавшие переходу писателя из лютеранства в православие: воспитание в семье, самостоятельный анализ догматов, а главное — любовь к русскому народу, его «детской» вере и необыкновенному богатству языка. В православии Даля проявлялась унаследованная из семьи западная рациональная основа: судя по автобиографическим штрихам в его наследии, он отличался не столько глубокой созерцательностью, склонностью к долгой молитве, любовью к красоте церковного пения или величелию храма, столь свойственными византийскому изводу христианства, сколько неустанной практической деятельностью и развитым чувством долга и ответственности. Хорошее знание народного православия нашло отражение во многих его произведениях. Значительный корпус их можно назвать «духовной прозой». Она как тематически, так и стилистически отличается от привычного далевского бытописания («Петербургский дворник», «Денщик», «Колбасники и бородачи» и пр.), от сказочной стилизации Даля в его сказках — и повествует о чудесах, о проявлениях Божьего Промысла в жизни человека, о христианских добродетелях и духовных искушениях колеблющейся человеческой души.

Ключевые слова: В. И. Даль, биография, православие, лютеранство, духовный облик, религиозная проза.

Информация об авторе: Владимир Иванович Мельник, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, Перервинская духовная семинария, ул. Шоссейная, д. 82 г, 109383 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.12.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 30.01.2023

Дата публикации статьи: 25.03.2023

Для цитирования: Мельник В. И. Значение православия в жизни и творчестве В. И. Даля // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 36–53. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-36-53>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 36–53. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 1, 2023, pp. 36–53. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Vladimir I. Melnik
Pererva Theological Seminary
Moscow, Russia

The Meaning of Orthodoxy in the Life and Work of V. I. Dal

Abstract: The article considers V. I. Dal as a religiously minded writer. For the first time, it analyzes biographical factors that contributed to the writer's transition from Lutheranism to Orthodoxy, such as upbringing in the family, independent analysis of dogmas, and most importantly, love for the Russian people, their "childish" faith and the extraordinary richness of the language. Dal's Orthodoxy manifested the Western rational basis inherited from the family: judging by the autobiographical touches in his legacy, he was distinguished not so much by deep contemplation, a penchant for long prayer, love for the beauty of church singing or the splendor of the temple, so characteristic of the Byzantine version of Christianity, but by tireless practical activity and a strong sense of duty and responsibility. A deep awareness of folk Orthodoxy was reflected in many of his works. A significant body of them can be called "spiritual prose." It differs both thematically and stylistically from the usual Dal's stories ("Petersburg janitor," "Orderly," "Sausage makers and bearded men," etc.), from Dal's stylization in his fairy tales, and tells about miracles, about manifestations of God's Providence in human life, about Christian virtues and spiritual temptations of the wavering human soul.

Keywords: V. I. Dal, biography, Orthodoxy, Lutheranism, spiritual image, religious prose.

Information about the author: Vladimir I. Melnik, DSc in Philology, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Pererva Theological Seminary, Shosseynaya St., 82 g, 109383 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: December 07, 2022

Approved after reviewing: January 30, 2023

Published: March 25, 2023

For citation: Melnik, V. I. "The Meaning of Orthodoxy in the Life and Work of V. I. Dal." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 36–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-36-53>

В отечественном литературоведении много написано о духовных истоках и поисках великих русских писателей. Но о Дале как православном человеке и художнике на сегодняшний день имеется только нескольких работ [Мельник 2006, Мельник 2010, Мельник 2012, Мельник 2022]. Даль едва ли не единственный русский писатель, который перешел из лютеранства в православие. В разговоре с писателем П. И. Мельниковым-Печерским в 1848 г., задолго до перехода в православие, он признался в том, что был «с юности православен по верованиям».

Православный образ веры «с юности» могла дать только семья, и корни духовного самоопределения Даля кроются, прежде всего, в его семье. Хотя ни мать, ни отец писателя не переменили своей веры и не перешли в православие, они своим поведением и склонностями подготовили сына к этому важнейшему событию его духовной жизни.

Отец Даля, датчанин Иоганн Христиан, был весьма яркой личностью, он происходил из семьи датского офицера, учился на богословском факультете в одном из германских университетов. После переезда в Россию он стал именоваться Иваном Матвеевичем. Императрица Екатерина II пригласила его на должность библиотекаря. В 35 лет он получил в Германии второе образование — медицинское, но снова вернулся в Россию [Т. Н. В.; Фетисенко; Матвиевская]. Более трех лет (1792–1796) он служил лекарем при дворе в Гатчине, Цесаревич Павел стал крестным отцом его старшей дочери. Потом была недолгая служба в Петрозаводске, а в 1798 г. семья приехала на Луганский завод, где отец Даля прослужил до 1805 г. С 1805 г. и до конца жизни (1821 г.) Иван Матвеевич числился инспектором черноморского флота при военной управе в г. Николаеве. Старший Даль был горячим патриотом своей новой родины. «Он при каждом случае, — писал Даль об отце, — напоминал нам, что мы русские, знал язык, как свой» [Грот: 5]. Любовь его к России простиралась до того, что в 1812 г. он жалел, что его малолетние сыновья не могут отправиться на фронт.

В роду матери Даля, Юлии Христофоровны Фрейтаг, были немцы, французы, швейцарцы. Однако ее семья тоже была обрусевшей: бабушка Даля «даже была русская писательница, по крайней мере, переводчица, и значилась в Смирдинском каталоге» [Даль 1995. 1: LXXXV]. Полное имя ее было Фрейтаг Мария Франциска Регина (урожденная Пфундгеллер, 1754–1837). Она перевела с немецкого языка на русский несколько пьес И. Гёте, А. Коцебу, А. Иффланда и др. То есть русским языком бабушка владела профессионально, а значит, и мать Даля, звавшаяся Ульяна Христофоровна, должна была хорошо говорить по-русски. Со слов Даля, его ученик писатель П. И. Мельников-Печерский свидетельствовал: «Влияние бабушки не осталось бесследным для Владимира Ивановича Даля. С матерью говорил он по-русски, а поминая бабушку, как только выучился читать, стал читать ее переводы, а с ними и другие русские книги. Таким образом, чтение на русском языке было первым его чтением» [Мельников-Печерский: 275].

У Даля с детства было ощущение себя русским, и это было связано именно с русским языком, который он не только знал, но и всю свою жизнь познавал в его глубинах и многообразии. Свой «закон национальности» он сформулировал так: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски» [Мельников-Печерский: 337]. Даль ценил и свою кровную связь со славянством. Однажды он сказал своему другу Д. И. Завалишину: «А знаешь ли, говорят, что и я происхожу от славян» [Завалишин]. Писатель узнал это незадолго до кончины, в конце 1860-х гг., когда в одном из русских журналов появилась статья о славянских переселенцах в Данию. В статье упоминались и славяне Дали [Мельников-Печерский: 337].

Православие Даль полюбил, вглядываясь в душу русского человека. В культуре, в быту и, прежде всего, в верованиях русского народа писатель увидел «ангельскую душу». При этом современники отмечали, что он не идеализирует русского человека. В рассказах и повестях Даля о низовом русском быте встречаются сюжеты, изображающие темные стороны русской души (убийство ради денег, корысть и мошенниче-

ство, ложная божба и пр.: «Суд Божий», «Шило в мешке, а грех на совести не утаишь» и др.). Однако характерно, что все эти сюжеты оканчиваются торжеством Божьей правды, раскаянием злодея, пробуждением его совести. Даль показывает, что даже в преступлениях с пролитием крови русский человек почти всегда ведет себя не рассудочно и изоциренно, а поступает под воздействием примитивных темных страстей, сохраняет способность после преступления осознать чудовищность случившегося и раскаяться, понимая, что жить с этим дальше он не сможет. Очень характерен рассказ «Искушение», в котором изображается замечательная сцена: два мужика, — один из которых хочет ограбить и убить топором другого, — вместе стоят перед иконами и молят Бога отвести нападения беса. Это два брата во Христе, и такую сцену, конечно, можно увидеть только в «Святой Руси». В русском человеке, даже впадающем в грех, Даль видел простодушие, иногда детское. В разговоре с Мельниковым-Печерским он не случайно сказал о «простодушном лепете младенца, еще неразумного, но имеющего в себе ангельскую душу» [Мельников-Печерский: 336]. Простота и открытость русского человека поражали его. Любопытно его высказывание: «Малоросс... охотнее всего прикидывается простачком, олухом, а между тем дурачит всякого, кто сам дается в обман. Русский мужик, сообразно прямому, открытому нраву своему, шутит намеками, замечаниями; но у него нет замашки вкрадываться простодушием своим в доверие ваше» [Даль 1833–1839. 1: 29].

Как подобные высказывания Даля, так и все его творчество говорят о том, что путь к православной вере начался для него с узнавания коренных лучших свойств русского народа, среди которых — прямодушие, доброта, милосердие, стремление к правде и справедливости. В диалоге с Мельниковым-Печерским он характерно отметил не только религиозные, но и ментальные различия между славянством и западными людьми: «Наши русские суеверия имеют характер добродушия и простодушия, на Западе не то; тамошние суеверия дышат злом, пахнут кровью» [Мельников-Печерский: 336]. Узнав народ, полюбив его, Даль принял и его веру. В. Г. Андреева справедливо отмечает, что русские классики, «в отличие от писателей западноевропейских, считали, что отдельное доброе или злое дело, светлое желание или задуманная подлость влияют на состояние всего мира, всего живого» [Андреева: 16]. Читая произведения Даля, мы улавливаем

эту зависимость всеобщего, соборного от частного, от поступков отдельных людей.

В этом выборе сыграли свою роль и чисто богословские причины. Логика Даля-художника и Даля-мыслителя почти всегда строится на сравнении различных сущностей. Писатель, судя по всему, прекрасно ориентировался в догматических установках христианских конфессий: католицизма, лютеранства, протестантизма, православия. Даль отдает предпочтение православию и при этом удивляет богословской вдумчивостью. Любопытна также его защита учения христианского мистика Сведенборга¹, которая выдает в нем богословскую интуицию и самостоятельность. Мельников-Печерский вспоминал: «Кстати, о Сведенборге. Однажды, еще в Нижнем, мы читали с В. И. Далем *Arcana Coelestia* именно то место, где Сведенборг говорит, что он просил Бога дозволить ему заживо испытать всё, что испытывает человек при разлучении души с телом, и имел после того видение. Тогда я только что знакомился еще с учением Сведенборга. Упомянутая книга была для меня новостью. Когда мы прочли видение, я с удивлением сказал: «Помилуйте, Владимир Иванович, да ведь это наши Феодорины мытарства, Житие Василия Нового, только внешние формы несколько не те, а смысл тот же самый...». Он отвечал: «Да ведь говорил же я вам, что у Сведенборга ничего нет противного христианству. А вы вот о чем подумайте: у католиков вместо мытарств – чистилище, а у протестантов нет чистилища, но нет и мытарств; православия Сведенборг не знал, он нигде ни одним словом о нем не коснулся, даже в описании Страшного Суда, где говорит обо всех исповеданиях христианских и нехристианских. О народных верованиях русского народа, о Житии Василия Нового никакого понятия он не имел, а написал то же или почти то же самое. И во всех его арканах, то есть таинствах, меньше всего сообразного с католическими и лютеранскими воззрениями и больше всего с православными преданиями. А правосла-

¹ Эммануил Сведенборг — шведский ученый-естествоиспытатель, христианский мистик, теософ, изобретатель. Занимался космологией, механикой, математикой, анатомией, физиологией, политикой, экономикой, металлургией, геологией, горным делом и химией. Автор трудов по обработке металлов. Считается родоначальником таких дисциплин, как минералогия и физиология мозга. Автор многих сочинений, основное — теософский труд «Небесные тайны» («*Arcana Coelestia*»; 1749–1756).

вия, говорю, он не знал ни русского, ни византийского, не был знаком не только с Житием Василия Нового, но даже и с важнейшими писателями православной церкви — Василием Великим, Григорием Богословом и другими». — “Что ж из всего этого?” — спросил я. “А то, — отвечал он, — что в преданиях вашей веры правды гораздо больше, чем в воззрениях нашей”» [Мельников-Печерский: 345].

В упомянутой беседе с Мельниковым-Печерским он однозначно решает вопрос в пользу православия: «Самая прямая наследница апостолов бесспорно ваша греко-восточная церковь, а наше лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь... раскольники (Чистое Поле и его окрестные селения населены раскольниками) несравненно ближе ко Христу, чем лютеране. Лютеране — головеры. По учению Лютера: “Веруй только во Христа, спасешься ты и весь дом твой”, добрых дел, значит, не нужно. Эдак не один благоразумный в Евангелии упоминаемый разбойник, но и всякий разбойник с большой дороги в царство небесное угодит, если только верует во Христа. Римское католичество в этом отношении лучше протестантства, но там другая беда, горшая лютеранского головерия, — главенство папы, признание смертного и страстного человека наместником Сына Божия. Православие — великое благо для России...”» [Мельников-Печерский: 337].

Первое произведение Даль написал в дерптский период, в 1827 г. Религиозный мотив скороговоркой промелькнул через семь лет, в произведении «Сказка о воре и бурой корове» 1834 г. Однако в том же году он пишет рассказ «Иван Лапотник». Это исполненный юмора рассказ о том, как даже религиозной женщине трудно бывает выполнить Божьи заповеди, прежде всего апостольскую заповедь о послушании своему мужу (Еф. 5: 22–33). Первая пафосная православная вещь Даля — это «сказка Руси богатырской» под названием «Илья Муромец» 1836 г. [Даль 1833–1839. 3: 1–106]. Из православия выводил Даль яркие черты русского национального характера. Илья Муромец у него не только и не столько легендарный богатырь, сколько, прежде всего, святой подвижник, которым руководит Господь. Даль знал и отстаивал версию, согласно которой Илья Муромец и преподобный Илья, чьи мощи покоятся в Киево-Печерской лавре, являются одним и тем же лицом. В сказке Даля Илья Муромец рождается в ночь с Великой Субботы на Светлую Пасху, встает на ноги — тоже в Светлое Христово Воскресение, а его дед Тимофей принимает схиму в Киево-Печерской лавре

с именем Иллариона. Сам же Илия «сидит сиднем сидячим», «сидит с твердой верой, со смирением, кроме молитвы присной, слова не вымолвит», «по зарям шепотом молитвы начитывает», «а поклоны кладет, словно в воду ныряет» [Даль 1836: 17]. Даль пишет, что Илия «отродясь постится, а скоромного куска у него душа не принимает». Илья Муромец был первым представителем русских святых у Даля. Напомним, что он был прославлен в лике святых в 1643 г. в числе 69 подвижников Киево–Печерской лавры. При отсутствии его жития в Патерике писатель обращался к народным былинам, но додумывал его образ в свете пасхального хронотопа: «главные события... происходят на Пасху. В Светлое Воскресение родился Илья Муромец. Чудесное исцеление героя, прощение многогрешного деда Тимофея, богатырские подвиги в Брянских и Брынских лесах, освобождение и крещение Кинешмы, освобождение Чернигова совершаются в Пасхальный праздник — в течение одного дня» [Захарова: 294].

Народные рассказы Даля, изображающие православный менталитет русского человека, часто напоминают повествования из «Лавсаика» или «Луга духовного». В народном предании «Послух» перед смертью к старушке наяву явился умерший, ранее знакомый ей священник и преподал ей последнее напутствие и святое причастие. Через это чудо раскрывается высота духовной жизни с виду вполне обыкновенной женщины. Скорее всего, Даль ничего не придумывает, может быть, лишь слегка поправляет те истории, которые он слышал во время собирания драгоценных народных слов для своего будущего словаря, — а собирал он всегда, при первой возможности общения с людьми. Даль хорошо знал особенности «народного православия», поскольку постоянно вращался в народной среде еще и по долгу службы: он служил врачом в действующей армии, как чиновник особых поручений при военном губернаторе Оренбурга много передвигался по краю, был управляющим Нижегородской удельной конторы. Служа на посту чиновника особых поручений при министре внутренних дел, он ознакомился с раскольническими сектами. Хорошее знание народного православия нашло отражение во многих его произведениях. Значительный корпус их можно назвать «духовной прозой». Она как тематически, так и стилистически отличается от привычного далевского бытописания («Петербургский дворник», «Денщик», «Колбасники и бородачи» и пр.), от сказочной стилизации Даля в его сказках — и повествует

о чудесах, о проявлениях Божьего Промысла в жизни человека, о христианских добродетелях и духовных искушениях колеблющейся человеческой души.

Часть его рассказов строится как обработка народной легенды (предания), всегда связанной с христианским мировосприятием. Напомним, что «степень воздействия христианского вероучения на легенду бывает разной — от определяющего до весьма поверхностного. Но свободных от христианской веры легенд не существует» [Аникин: 445]. В основе таких легенд так или иначе всегда лежит чудо, совершающееся с человеком в чисто бытовой ситуации. Это чудо несет помощь, восстанавливает справедливость, дает духовную оценку событиям или человеку. Опираясь на духовную канву легенды, Даль как писатель разнообразит и художественно совершенствует описание бытовых обстоятельств. В рассказе «Послух» (1856) сюжет (его, скорее всего, передали писателю рассказчики из народа) прост и может быть изложен в очень кратком виде. Один помещик заночевал в избе у старушки. Ночью ему приснился сон, в котором он видел, как старушку причащает священник. Утром, как только он отъехал от избы, она разрушилась. Старушка, погребенная под обломками, умерла. Крестьяне стали говорить, что она умерла без покаяния и причастия, поэтому не может быть похоронена на кладбище с другими христианами. Но помещик рассказал о своем сне, а в описании священника все узнали умершего два года назад своего приходского священника. Так восстанавливается духовная правда. Даль насытил свой рассказ диалогами, описаниями, придал персонажам индивидуальный стиль речи. При этом он не преминул, как часто любил делать в своей прозе, употребить редкие слова и выражения («ободняет», «ухож»). Даль фантазирует, подробно описывает сон и то, как сон переходит в явь: герой «проснулся от капли святой воды, брызнувшей ему в лицо при кроплении народа (во сне — В. М.)» [Даль 2006: 175], видел, как по окончании молебна люди прикладывались после креста к руке приютившей его спящей старушки и пр. Описание избы передает характер старушки, ее приверженность христианскому благочестию. Все подобные бытовые подробности, элементы психологизма и другие компоненты образности превращают народную легенду в художественный рассказ.

В рассказе «Архистратиг» (1856) речь идет о чуде неожиданно спасения человека Св. Архистратигом Божиим Михаилом. Возвра-

щающийся из заграничного похода солдат по имени Михаил, который молится Архангелу Михаилу как своему хранителю, останавливается ночевать у недобрых людей, задумавших убить и ограбить его. Когда над его головой был занесен топор, в окно неожиданно постучали. Голос ротного фельдфебеля со двора крикнул: «Михайло Ларионов... собирайся живее, рота выступает». Убийцы «задрожали, ровно лист на осине». Так Архангел Михаил спас солдата от верной смерти. Конечно, Даль был наслышан о многочисленных чудесах Архангела Михаила, начиная с известного «чуда в Хонех». При этом все более или менее известные случаи чудес, которые могли попасть в печать, имеют масштабный и публичный характер. Случаи помощи отдельным людям, на которых строится собственно народная легенда, могли быть известны только в устной передаче, так как, например, их нет в сборнике легенд, изданных в 1859 г. А. Н. Афанасьевым [Афанасьев]. Тем не менее, отдельные случаи помощи Архангела Михаила частным людям, священникам известны [Фомин: 353–354], и Даль мог слышать о них в народной среде. В этом рассказе также авторские описания, подробности быта, диалоги расширяют художественное поле скупой на отклонения от сюжета народной легенды.

В то же время у Даля много и таких посвященных христианской тематике произведений, которые не связаны с фольклором. Совершенно оригинален и проникнут размышлением о крайностях умножения монашества в России замысел рассказа «Октябрь» (1868). Герой рассказа, помещик Руф Садокович, человек неординарный. Не только своею властью, но и нравственным авторитетом он убеждает девушек одного села отступить от нелепо сложившейся традиции — всем идти в монастырь. Он выдает их замуж за молодых парней того же села. Даль понимал всю нелепость и опасность ложно понятой духовности, когда все молодые девушки уходят в монастыри и становятся «черничками». Хотя монастырь — венец духовности народа, держится страна прежде всего крепким миром, духовно крепкой семьей. Стране нужна чистая монашеская молитва. Но это удел немногих. Нужны ей и роженицы-матери, и воины-отцы. Нужно будущее — малые дети. Рассказ показывает, что духовность Даля не восторженно-мечтательная, а трезвая, тяготеющая к практичности русского «Домостроя». К этому же типу произведений примыкают такие рассказы, как «Кликуша», «Говор» и др. В них писатель показывает необыкновенное, вырастаю-

щее из практического взаимодействия с крестьянством (Даль служил управляющим крупного имения в нижегородской губернии) знание народной жизни, связанной с жизнью церковной. Автобиографический рассказ «Кликуша» исполнен неподдельного юмора, подаваемого очень тонко: в какой-то отстраненной, как бы констатирующей манере: «Весною прибыл я в большую графскую вотчину в одной из северных губерний наших, куда поступил я управляющим... Рассматривая поданные мне из конторы списки наличности разного рода, я, между прочим, остановился на одной довольно странной для меня статье: в каком-то валовом списке наличных, тягольных и бестягольных крестьян, бобылей, холостых, престарелых, калек, дряхлых и хворых самым диким и бестолковым образом перемешаны были коровы, козы, овцы, люди, гуси, индейки (по тамошнему торы) — и бабы; в том числе, между прочим, показано отдельно: колдунов 3, кликуш 23» [Даль 2006: 241]. «Выкликаая» по воскресеньям в церкви «как только заблаговестят к Достойной, а иногда как запоют Херувимскую», кликуши по понедельникам не работают — приходят в себя. По трезвом размышлении, «осторожном и негласном разбирательстве, управляющий понял, что в кликушестве доминирует притворство»: «Оказалось, что в числе их не было ни одной путной, работающей хозяйки; все они наперед уже ославились в быту своем как нехозяйки и как неработницы, а затем уж попали в кликуши» [Даль 2006: 247]. В конце концов управляющему удалось быстро «вылечить» всех местных кликуш. В автобиографическом же рассказе «Говор» Даль показал, как прекрасное знание областных говоров помогло ему разоблачить лжемонахов, собирающих деньги якобы на храм. В рассказе «Беглянка» писатель через бытовой сюжет изображает страшное духовное падение человека, лжеца и убийцы, который постоянно держит имя Бога на устах. Даль обладает прекрасным чувством художественной меры: в рассказе нет никакого нравоучения и даже авторской нравственной оценки, ибо картина говорит сама за себя. В этом заключается одна из сильных сторон дальевского бытописания.

В житиях святых писателя особенно привлекает образ святителя Николая. В рассказах «Правда» и «Нищий», он изображает странника-старичка, который неожиданно является заблудшему, запутавшемуся в жизни человеку и своим примером, своей чудесной помощью выводит этого человека на прямые, честные пути жизни. Хотя Даль

и не называет этого героя иначе как «старичок», перед нами — святой Николай Чудотворец. Никто иной не является в русском фольклоре таким верным и сильным помощником и заступником человека, в особенности души заблудшей, погибающей (вспомним хотя бы былинку о Садко, в которой святой Николай Угодник буквально вырывает погибающую душу героя из лап беса – подводного царя), как святитель Николай. Естественно, что такие рассказы Даля каждый раз включают в себя элемент чудесного, — но не как выдумки или фантазии, а как реального духовного бытия и народного опыта.

В некоторых рассказах Даль выступает как православный педагог. В рассказе «Крещенский сочельник» он доступно объясняет детям содержание праздника и то, как его следует праздновать, причем входит в малейшие детали: «Св. Иоанн, живя в степи, в пустынном месте, около Иордана, говорил приходящему к нему народу: “Опомнитесь, бросьте дурную жизнь, покайтесь и принесите плоды достойные покаяния: вы живете, как бесплодные деревья, которые напрасно растут; но берегитесь за такую жизнь вашу — наказание близко, секира (топор) лежит у корня дерева, бесполезное дерево скоро будет срублено”. Вы видите, дети, что он говорил не так просто, как говорим мы; он уподоблял людей деревьям, полезные дела — плодам, наказание — секире; таким языком говорят на Востоке все азиатские народы; слово Божие писано на Востоке же, а потому и писано притчами и уподоблениями. Мало того, что восточные жители говорят иносказательно, но они часто речи свои подкрепляют или изображают делом, и это-то иносказательное дело или действие мы называем обрядом» [Даль 2006: 354].

Почти все произведения Даля написаны для народного чтения. Об этом говорят сами названия прозаических циклов: «Солдатские досуги», «Матросские досуги», «Два сорока бывальщинок» и пр. Несколько раз он принимался излагать в своем пересказе Священное Писание для народа. Так, 10 июня 1848 г. он писал М. П. Погодину: «Спешу уведомить Вас, любезнейший Михаила Петрович, что отправил Вам тюк, в котором Вы найдете... мой давнишний опыт перевода Евангелия... Ожидаю затем от Вас... мнение Ваше о переводе Евангелия...» [Ильин-Томич: 367]. В. П. Мельников-Печерский вспоминал: «В. И. Даль имел также намерение передать Евангелие на языке простонародья, но в самых строгих выражениях и при том, разумеется, буквально. Переведенная таким образом XIII глава Евангелия Матвея на-

ходится теперь в рукописи у М. П. Погодина» [Мельников-Печерский: 337]. М. П. Погодин ознакомился с далевским переводом на простонародный русский язык Евангелия, но, судя по письму к Далю от 2 декабря 1848 г., не совсем его одобрил: «Перевод Ваш очень хорош сам по себе, но в отношении к священному и Божественному подлиннику Вы позволили себе много вольностей. Есть много слов вставных и объяснительных. От церковных тоже не удержались совершенно: гортань, сотворение, скрежет, поучал, премудрость, праведник, незаконный. Но я прочел его еще вскользь» [Ильин-Томич: 377]. Обсуждение было продолжено в письме Даля от 18 декабря 1848 г.: «Относит<ельно> перевода Свящ<енного> Пис<ания> мы, стало быть, не совсем поняли друг друга: я не называю церковным или славянским то, что уже принято в русс<ком> языке и понятно каждому; я говорю не о *корнях*, есть и татарские, и финские слова, но они употребляются в простом разговоре, а потому русские» [Ильин-Томич: 381]. Причина, по которой Погодин не стал поддерживать инициативу Даля, возможно, заключалась в том, что с 1824 по 1856 гг. в России была прекращена деятельность Библейского общества, занимавшегося переводами на русский язык Священного Писания. Сам же Даль в вопросах веры, как и во всех остальных, исходил из принципа целесообразности: он считал, что народ должен не только слушать Евангелие в храме на церковно-славянском языке, но и читать его на русском и вполне понимать. В 1857 г., уже после возобновления деятельности Библейского общества, Даль переводит на понятный для простонародья язык Апокалипсис и показывает его Т. Г. Шевченко, но не добивается его сочувствия [Шевченко: 136]. Затем последовало Моисеево Пятикнижие. В 1869 г. Даль читал часть переложения Пятикнижия Мельникову-Печерскому: «Ещё в 1869 году он читал мне отрывки из *Иисуса Навина, Судей и Царств*, но затруднения, встреченные для напечатания *Бытописания*, заставили его положить перо» [Мельников-Печерский: 336].

Отсутствуют свидетельства, позволяющие судить во всей полноте о типе религиозности и религиозном опыте самого Даля, о его расположении к молитве, хождению на церковные службы, но можно отметить, что его вера отличалась высокой степенью рациональности¹,

¹ В своем «Описании моста» Даль не случайно выбирает эпиграф из слов А. Суворова: «Сегодня счастье, завтра счастье — помилуй Бог! Надобно сколько-нибудь и ума».

склонностью к богословствованию¹, к последовательному воплощению евангельских принципов в жизненную практику, а также высокими требованиями к нравственной стороне жизни. При этом нравственность, честность, милосердие Даль рассматривал не как абстрактный (и часто пристрастный и непоследовательный) «гуманизм», а как безусловное и постоянное евангельское требование к христианину. Неслучайно он говорит не о нравственности, а о «святых нравственных правилах» — и ставит рядом с ними «страх Божий». Эту евангельскую закваску своей натуры писатель, по его собственному признанию, получил от отца. «Отец мой, — вспоминал Даль, — силою воли своей умел вкоренить в нас навек страх Божий и святые нравственные правила. Видя человека такого ума, учености и силы воли, как он, невольно навсегда подчинишься его убеждениям» [Грот: 5]. Отсюда «ровный», в отличие от многих других русских писателей-современников, личностный путь Даля по жизни: без видимых нравственных падений, в непрестанной спокойной и многосторонней, без требований признания и поощрения, подвижнической работе на благо людей и Отечества (чего стоит один лишь собирательский труд Даля, увенчавшийся изданием знаменитого четырехтомного «Словаря живого великорусского языка» и трехтомного сборника русских пословиц).

В личном православии Даля проявлялась и унаследованная из семьи западная рациональная основа: как представляется, он отличался не столько глубокой созерцательностью, склонностью к долгой молитве, любовью к красоте церковного пения или великолепию храма, столь свойственными византийскому изводу христианства, сколько неустанной практической деятельностью и развитым чувством долга и ответственности. В произведениях Даля мы не найдем описания красоты храма или литургической службы (что, по преданию, так поразило и привлекло Великого князя Владимира, Крестителя Руси), зато христианские свойства человека рассматриваются им очень конкретно — во взаимных отношениях людей. Чаще всего Даль любит детскость, добродушием и простотой русского человека, его чистой евангельской нравственной основой.

¹ Даль прекрасно разбирался в догматике христианства и даже в особенностях русских расколов, которыми он занимался как чиновник. Мельников-Печерский свидетельствует, что на эти темы они с Далем разговаривали на протяжении тридцати лет [Мельников-Печерский: 336].

Христианские правила жизни Даля особенно хорошо прослеживаются по оставшимся документам. В. И. Мельников-Печерский, освещая нижегородский период деятельности писателя, показывает, как добросовестно внимателен был Даль к нуждам крестьян, как легко находил общий язык с ними, всегда бесплатно лечил их. Бесплатное лечение было одним из его жизненных правил, ибо Даль решил, что как только пошлет ему Бог место с жалованием до 3000 руб., не лечить за деньги [Даль Е.: 104]. Этого своего решения он впоследствии строго придерживался. «И как любил народ ласкового, всегда справедливого, а в случае надобности и строгого управляющего! Его слова для крестьян были законом не ради страха, но ради любви и доверия. Крестьяне верить не хотели, чтобы Даль был не природный русский человек», — пишет Мельников-Печерский [Мельников-Печерский: 311].

В 1873 г. на заседании Общества любителей российской словесности И. С. Аксаков произнес «Речь о А. Ф. Гильфердинге, В. И. Дале и К. И. Невоструеве». В этом мемориальном докладе он сказал о Дале: «Тяжел был для нас прошлый високосный год. Выбыли силы, нелегко заменимые, и убыль значительно перевесила прибыль. Русская словесность, а с нею и небольшой круг людей, составляющих наше Общество, понесли важные утраты... 22 сентября скончался Владимир Иванович Даль... этот практический, положительный человек, датчанин и лютеранин по рождению, невольно подчинялся и духовному влиянию русской народности, тяготился противоречием своего религиозного внутреннего строя с народным и наконец разрешил это противоречие, окончательно объединившись с народом в вере за несколько месяцев до кончины» [Аксаков 7: 787]. Действительно, будучи «с юности православным по верованиям», писатель формально перешел в православие лишь перед самой кончиной. Мельников-Печерский вспоминал:

Помню раз, года четыре тому назад, прогуливались мы с ним по полю около Ваганькова кладбища. Оно недалеко от Пресни, где жил и умер Владимир Иванович.

— Вот и я здесь лягу, — сказал он, указывая на кладбище.

— Да вас туда не пустят, — заметил я. — Пустят, — отвечал он, — я умру православным по форме, хоть с юности православен по верованиям.

— Что же мешает вам, Владимир Иванович? — сказал я. — Вот церковь...

— Не время еще, — сказал он, — много молвы и говора будет, а я этого не хочу; придет время, как подойдет безглазая, тогда... — И тут же поворотил на шутку: — Не то какво будет моим тащить труп мой через всю Москву на Введенские горы¹, а здесь любезное дело — близёхонько» [Мельников-Печерский: 337].

Таким образом, сам Даль объясняет столь поздний переход в православие тем, что «много молвы и говора будет». Но, возможно, были и другие причины, о которых он не сказал (например, его могли смущать ежегодные церковные отчеты о причастниках). Похоронили писателя, действительно, на православном Ваганьковском кладбище. У Даля не много высказываний или письменных свидетельств автобиографического характера (существует две кратких автобиографии, написанных незадолго до кончины). Но из того, что имеется в распоряжении исследователей, становится ясно, что более всего Даль ценил в своей внутренней жизни принадлежность к русскому народу, его вере и языку.

Список литературы Источники

Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886. Т. 1–7. М.: Тип. М. Г. Волчинова (бывш. М. Н. Лаврова и К°), 1886–1887.

[Афанасьев А. Н.] Народные русские легенды, собранные А. Н. Афанасьевым. Изд. Н. Щепкина и К. Солдатенкова. М.: В тип. В. Грачева и К., 1859. 205 с. Грот Я. К. Воспоминания о В. И. Дале и П. П. Пекарском. СПб., 1873. С. 5.

Даль В. И. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Столица, 1995. Т. 1. 310 с.

Даль Е. В. В. И. Даль (По воспоминаниям его дочери) // Русский вестник. 1879. Июль. С. 104.

Даль В. И. Архистратиг. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 354 с.

[Даль В. И.] Были и небылицы казака Владимира Луганского: в 4 кн. СПб.: Тип. Н. Греча, 1833–1839.

Завалишин Д. И. Заметки по поводу некролога В. И. Даля // Московские ведомости. 1872. № 267. 23 октября.

[Ильин-Томич А. А.] Переписка В. И. Даля и М. П. Погодина. Ч. I. / публ. А. А. Ильина-Томича // Лица: Биографический альманах. СПб.: Atheneum, М.: Феникс; 1993. Вып. 2. С. 287–388.

¹ Имеется в виду Введенское кладбище в Лефортово, которое называют «немецким».

Мельников–Печерский П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. Март. С. 275–340.

Т. Н. В. Даль Иван Матвеевич // Русский биографический словарь в 25 т. / под ред. А. А. Половцева. СПб.: Имп. Рус. ист. об-во, 1896–1913. Т. 6. С. 49.

[*Фомин А. В.*] Невидимый мир ангелов: чудесные явления ангелов людям, участие ангелов–хранителей в жизни человека, явления и чудотворения святых архангелов / сост. Фомин А. В. М.: Новая мысль, 2011. 478 с.

Шевченко Т. Г. Зібрання творів у 6 т. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2003. 496 с.

Исследования

Андреева В. Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 13–21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191>

Аникин В. П. Русское устное народное творчество. М.: Высшая школа, 2001. 725 с.

Захарова О. В. «Илья Муромец. Сказка Руси богатырской» В. И. Даля (проблема жанра) // Проблемы исторической поэтики. 1998. Вып. 5. С. 283–294.

Лазарев Ю. В. Национальный характер в литературном творчестве В. И. Даля // В. И. Даль в парадигме идей современной науки: Язык — словесность — самосознание — культура: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию юбилею В. И. Даля: в 2 ч. Иваново: ИВГУ, 2001. Ч. 1. С. 259–268.

Матвиевская Г. П., Зубова И. К. Владимир Иванович Даль. М.: Наука, 2002. 221 с.

Мельник В. И. «С юности православен по верованиям...» // Даль В. И. Архистратиг / сост., предисл., коммент. В. И. Мельника. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2006. С. 3–18.

Мельник В. И. Православный Владимир Даль // Владимир Даль в счастливом доме на Пресне. М.: Academia, 2010. С. 3–18.

Мельник В. И. В. И. Даль как духовный врачеватель русского народа // Полифоническая культура Украины. Луганск: Луганский гос. ун-т им. В. И. Даля, 2012. Вып. 4: Даль и Пушкин. С. 42–47.

Мельник В. И. Еще один замысел В. И. Даля: словарь русских писателей // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 27–33. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-27-33>

Фесенко Ю. П. И. М. Даль и В. И. Даль по архивным материалам // Пятые Международные Далевские чтения. Луганск: Луганский гос. ун-т им. В. И. Даля, 1995. С. 162–163.

Юган Н. Л. Представление о национальном характере в цикле В. И. Даля «Были и небылицы» // Вісник Луганського Національного педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Філологічні науки. 2006. № 1 (96). С. 130–137.

References

Andreeva, V. G. “Chelovek i problema antropotsentrizma v russkom romane vtoroi poloviny XIX veka” [“The Person and Problem of Anthropocentrism in the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century”]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, no. 4, 2018, pp. 13–21. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10191> (In Russ.)

Anikin, V. P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Russian Folk Art]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 2001. 725 p. (In Russ.)

Zakharova, O. V. “Il’ia Muromets. Skazka Rusi bogatyrskoi’ V. I. Dalia (problema zhanra)” [“Ilya Muromets. The Tale of Bogatyr Rus” by V. I. Dal (The Problem of the Genre)”. *Problemy istoricheskoi poetiki*, issue 5, 1998, pp. 283–294. (In Russ.)

Lazarev, Iu. V. “Natsional’nyi kharakter v literaturnom tvorchestve V. I. Dalia” [“National Character in the Literary Work of V. I. Dal”]. *V. I. Dal’ v paradigme idei sovremennoi nauki: Iazyk — slovesnost’ — samosoznanie — kul’tura: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 200-letnemu iubileiu V. I. Dalia: v 2 ch.* [V. I. Dal in the Paradigm of the Ideas of Modern Science: Language — Literature — Self-Consciousness — Culture: Materials of the All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 200th Anniversary of V. I. Dal: in 2 parts], part 1. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2001, pp. 259–268. (In Russ.)

Matvievskaia, G. P., and I. K. Zubova. *Vladimir Ivanovich Dal’* [Vladimir Ivanovich Dal]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 221 p. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “S iunosti pravoslaven po verovaniiam...” [“From His Youth He has Been Orthodox in Beliefs...”]. Dal, V. I. *Arkhi stratig* [Archangel], comp., preface, comm. by V. I. Meľnik. Moscow, Izdatel’stvo Sretenskogo monastyrja Publ., 2006, pp. 3–18. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “Pravoslavnyi Vladimir Dal’” [“Orthodox Vladimir Dal’”]. *Vladimir Dal’ v schastlivom dome na Presne* [Vladimir Dal in a Happy Home on Presnya]. Moscow, Academia Publ., 2010, pp. 3–10. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “V. I. Dal’ kak dukhovnyi vrachevatel’ russkogo naroda” [“Dal as a Spiritual Healer of the Russian People”]. *Polifonicheskaia kul’tura Ukrainy* [Polyphonic Culture of Ukraine], issue 4: Dal’ i Pushkin [Dal and Pushkin]. Lugansk, Lugansk State University named after V. I. Dal Publ., 2012, pp. 42–47. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “Eshche odin zamysel V. I. Dalia: slovar’ russkikh pisatelei” [“Another Idea of V. I. Dal: A Dictionary of Russian Writers”]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, no. 1 (28), 2022, pp. 27–33. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-27-33> (In Russ.)

Fesenko, Iu. P. “I. M. Dal’ i V. I. Dal’ po arkhivnym materialam” [“I. M. Dal and V. I. Dal Based on Archival Materials”]. *Piatye Mezhdunarodnye Dalevskie chteniia* [Fifth International Dal Readings]. Lugansk, Lugansk State University named after V. I. Dal Publ., 1995, pp. 162–163. (In Russ.)

Iugan, N. L. “Predstavlenie o natsional’nom kharaktere v tsikle V. I. Dalia ‘Byli i nebylitsy:’” [“The Idea of the National Character in V. I. Dal’s Cycle ‘There Were Also Tales.’”]. *Visnyk Lugan’skogo Nacional’nogo pedagogichnogo universytetu ymeni Tarasa Shevchenka. Filologichni nauky*, no. 1, 2006, pp. 130–137. (In Russ.)